

Научная статья /
Research Article

УДК 398.5
ББК 82.3(2)

ИСТОРИЯ ОДНОГО ОБЯРДОВОГО ТЕКСТА, ОПУБЛИКОВАННОГО ИВАНОМ САХАРОВЫМ¹

© 2021 г. А.Л. Топорков

Институт мировой литературы им. А.М. Горького

Российской академии наук, г. Москва, Россия

Дата поступления статьи: 15 ноября 2020 г.

Дата одобрения рецензентами: 26 декабря 2020 г.

Дата публикации: 25 декабря 2021 г.

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399>

Аннотация: Среди публикаций, подготовленных Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863), имеется ряд текстов, представляющих собой литературные стилизации на фольклорной основе. В статье рассматривается один из таких псевдофольклорных текстов — колядка, в которой описывается жертвоприношение козла. Данная колядка была впервые опубликована И.П. Сахаровым в 1837 г., перепечатана И.М. Снегиревым в 1838 г. и потом воспроизводилась многими исследователями славянской мифологии. Установлено, что эта колядка представляет собой своеобразный монтаж из двух текстов: первый из них — колядка, напечатанная впервые в 1817 г. И.Е. Срезневским в «Украинском вестнике», а второй — песенная вставка из сказки о братце Иванушке и сестрице Аленушке (СУС 450). Такая контаминация имеет уникальный характер и встречается только в одном тексте, позднее многократно перепечатанном. В статье аргументируется точка зрения, согласно которой данную колядку можно считать результатом сотворчества безымянных носителей фольклора, И.Е. Срезневского и И.П. Сахарова. Для техники стилизаций Сахарова характерны контаминации произведений разных фольклорных жанров, в результате чего появляются тексты, неизвестные в аутентичной традиции. Несмотря на то что сахаровская колядка представляет собой авторское произведение, целые поколения историков и мифологов видели в ней описание ритуала, который совершался в глубокой древности языческими славянами.

Ключевые слова: фольклор, Иван Петрович Сахаров, литературная стилизация, мистификация, подделка, колядка, жертвоприношение козла.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3106-3819>

E-mail: atoporkov@mail.ru

Для цитирования: *Топорков А.Л.* История одного обрядового текста, опубликованного Иваном Сахаровым // *Studia Litterarum.* 2021. Т. 6, № 4. С. 372–399.
<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399>

¹ Благодарю А.А. Панченко, который познакомился с первоначальным вариантом данной статьи и высказал замечания, учтенные мной при написании окончательного текста.

THE HISTORY OF A RITUAL TEXT PUBLISHED BY IVAN SAKHAROV

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 6, no. 4, 2021

© 2021. Andrey L. Toporkov

*A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Received: November 15, 2020

Approved after reviewing: December 26, 2020

Date of publication: December 25, 2021

Abstract: Among the publications prepared by Ivan Petrovich Sakharov (1807–1863), there are a number of texts that represent literary stylizations and hoaxes based on folklore. The article deals with one of these pseudo-folklore texts – a Christmas carol (*kolyadka*) that describes goat sacrifice. This carol was first published by I.P. Sakharov in 1837, reprinted by I.M. Snegirev in 1838, and then reproduced by many researchers of Slavic mythology. This paper argues that this carol is a combination of two texts: the first of them is the carol first published in 1817 by I.E. Sreznevsky in *Ukrainsky Vestnik*; the second one is the song being part of the fairy tale about brother Ivanushka and sister Alyonushka (SUS 450). This contamination is unique and occurs only in one text, albeit many times reprinted later. The article argues that this carol may belong to the pen of two anonymous folklore carriers, I.E. Sreznevsky and I.P. Sakharov. Sakharov's stylization technique is characterized by the contamination of works belonging to various folklore genres. As a result, we encounter texts that are obscure within authentic tradition. Despite the fact that the Sakharov carol is an authored work, generations of historians and mythologists read it as a description of the ritual that was performed in ancient times by pagan Slavs.

Keywords: folklore, Ivan Petrovich Sakharov, literary pastiche, hoax, fake, Christmas Carol, goat sacrifice

Information about the author: Andrey L. Toporkov, DSc in Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3106-3819>

E-mail: atoporkov@mail.ru

For citation: Toporkov, A.L. "The History of a Ritual Text Published by Ivan Sakharov."

Studia Litterarum, vol. 6, no. 4, 2021, pp. 372–399. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-4-372-399>

Среди многочисленных публикаций, подготовленных Иваном Петровичем Сахаровым (1807–1863), выделяются своим объемом три собрания фольклорных материалов: «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», «Песни русского народа» и «Русские народные сказки». Наиболее известное из этих собраний — «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» — неоднократно переиздавалось и использовалось учеными с конца 1830-х гг. и вплоть до нашего времени.

Между тем еще при жизни Сахарова высказывались сомнения в достоверности его материалов. Такие ученые, как П.А. Бессонов, А.Н. Пыпин, Н.Н. Виноградов, С.В. Савченко, М.К. Азадовский, И.П. Лупанова, В.П. Козлов, К.Е. Корепова, А.В. Коровашко, считали, что Сахаров правил тексты, которые публиковал, а частично и сочинял их, ссылаясь при этом на несуществующие рукописи.

Для оценки публикаторской деятельности Сахарова история восприятия его текстов в последующей традиции не менее важна, чем история их появления на свет. В настоящей статье мы рассмотрим одну из колядок, опубликованных Сахаровым, и попытаемся ответить на два основных вопроса. Во-первых, каково происхождение этой колядки, что в ней идет от фольклора и что от публикатора. Во-вторых, как она воспринималась читателями и как ее переосмыслили в XIX–XX вв. исследователи славянской мифологии.

Происхождение колядки из собрания И.П. Сахарова

Интересующую нас колядку Сахаров публиковал трижды.

Первый раз во второй части первого издания «Сказаний русского народа» в разделе «Русские семейные песни» [20, с. 257–258 (2-й паг.), № 63].

Второй раз в первой части «Песен русского народа», в разделе «Песни колядские» [21, с. 94–95, № 2].

И третий раз в третьей книге первого тома «Сказаний русского народа», также в разделе «Песни колядские» [23, с. 16, № 2]. Это издание обозначено на обложке как «третье», хотя на самом деле таковым не является.

В первый раз колядка была напечатана без комментариев. Во второй и третьей публикациях имелось указание на место записи и приведена в качестве параллели другая колядка, опубликованная в 1817 г. И.Е. Срезневским (отцом знаменитого слависта).

Процитируем текст по публикации в первой части «Песен русского народа» (1838):

За рекою, за быстрою,

Ой коліодка! ой коліодка!

Леса стоят дремучие,

Во тех лесах огни горят,

Огни горят великие,

5 Вокруг огней скамьи стоят,

Скамьи стоят дубовыя,

На тех скамьях добры молодцы,

Добры молодцы, красны девицы,

Поют песни коліодушки.

Ой коліодка! ой коліодка!

10 В середине их старик сидит,

Он точит свой булатной нож.

Котел кипит горючий,

Возле котла козел стоит;

Хотят козла зарезати.

Ой коліодка! ой коліодка!

15 Ты, братец, Иванушко,

Ты выди, ты выпрыгни!

Я рад бы выпрыгнул (так!),

Горюч камень

К котлу тянет,

20 Желты пески

Сердце высосали.

Ой коліодка! Ой коліодка!

[21, с. 94–95, № 2]

В «Примечаниях» говорилось, что текст записан «со слов тульских поселян» [21, с. 163, примеч. 18], а в разделе «Варианты святочных песен» Сахаров сообщил, что для данной песни «мы имеем только один вариант, напечатанный Срезневским в «Украинском вестнике», в 1817 г. Вот эта песня:

За рекою, за быстрою, ой каліодка!
Леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят великие,
5 Вокруг огней скамьи стоят,
Скамьи стоят дубовыя;
На тех скамьях добры молодцы,
Добры молодцы, красны девицы
Поют песни каліодушке;
10 В середине их старик сидит,
Он точит свой булатной нож;
Возле его козел стоит.

В этой обрядне (так!) песне чего-то не достает. Песня, помещенная в нашем собрании, дополняет все пропуски и при том имеет какое-то сходство с одною колыбельною старою песнею.

[21, с. 129–130]

Под «одною колыбельною старою песнею» Сахаров, вероятно, имел в виду текст, опубликованный им в 4-й части «Песен русского народа». Эта колыбельная, которая также якобы была записана «со слов тульских сельников» [22, с. VIII], начинается почти так же, как колядка:

На горе, горе, да крутой,
Огни горят, да все светлые,
 Баю, баюшки, баю!
На тех огнях, да светлых,
Котлы кипят, да кипучие,
 Баю, баюшки, баю!
 [22, с. 401–402, № 3]

Далее в колыбельной рассказывается, что «Вокруг огней, да светлых, / Сидят татары, да все злые», которые «Сидят, делят да все животы / Твоего отца, да родимого», и следует призыв к «дитятке», чтобы оно пробудилось, встало, снимало «со стены сабельки / И все-то мечи булатные» и кололо и рубило этими сабельками «Злых татар с татарченками» [22, с. 402, № 3]. Эта странная «колыбельная», призванная не убаюкать ребенка, а возбудить его на уничтожение столь ненавистных Сахарову инородцев, скорее всего сочинена самим публикатором. Сахаров для маскировки своих фальсификатов создавал целые серии текстов таким образом, чтобы один текст подтверждал собой подлинность второго, второй — третьего, а третий — первого.

В статье И.Е. Срезневского «Славянская мифология, или о богослужении русском в язычестве» колядка поставлена в контекст языческих мифов и обрядов:

Коляда, по мнению некоторых, был славянский бог *мира* и соответствовал Римскому *Янусу*. Праздник его торжествовали 24 декабря, который препровождает был в веселиях и пиршествах. Храм сего бога (а может быть богини) был в Киеве; об изображении его ничего знать нельзя.

По некоторым местам и ныне еще суеверы торжествуют день сей почти с такими же обрядами, как и древние. Мне удалось слышать в детстве один гимн Коляде, которого я одно только начало могу припомнить; вот оно:

За рекою, за быстрою, ой калѡдка!
Леса стоят дремучіе, ой калѡдка!
Во тех лесах огни горят, —
Огни горят великіе —

- 5 Вокруг огней скамьи стоят —
 Скамьи стоят дубовья —
 На тех скамьях добры молодцы —
 Добры молодцы, красны девицы —
 Поют песни Каліодушке. —
- 10 В середине их старик сидит; —
 Он точит свой булатной нож. —
 Возле его козел стоит. —

Сіе начало показывает самый обряд древнего жертвоприношенія.

[30, с. 19–20; курсив И.Е. Срезневского]

Таким образом, утверждение Сахарова, что в этой «песне чего-то не достаёт», основано на прямом указании И.Е. Срезневского, который смог припомнить только начало текста, а его продолжение забыл.

В детстве Иван Евсеевич Срезневский (1770–1819) жил в селе Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии, а потом учился в Рязанском духовном училище. Значит, приведенную им по памяти колядку он слышал скорее всего в Рязани или ее окрестностях.

Основной текст колядки И.Е. Срезневского в «Песнях русского народа» процитирован аутентично, однако Сахаров несколько модифицировал припев. В публикации И.Е. Срезневского после каждого стиха имеется рефрен: «ой каліодка!», а при перепечатке текста из «Украинского вестника» в «Песнях русского народа» восклицание «ой каліодка!» сохранилось только после первого стиха. В сахаровской же колядке рефрен удваивается и включает слова «Ой коліодка! ой коліодка!» и повторяется после 1, 9, 14 и 21 стихов.

Сообщение Сахарова о том, что текст записан «со слов тульских поселян», находится в определенном противоречии с его же утверждением, что этот текст «дополняет все пропуски», которые имелись в колядке И.Е. Срезневского. Трудно представить себе, что «тульские поселяне» действительно знали такой текст, который почти дословно повторяет колядку, опубликованную в 1817 г. Если бы такой текст в самом деле исполнялся устно, он неизбежно имел бы какие-нибудь отличия от колядки, которую И.Е. Срезневский слышал в своем детстве (вероятно, в Рязанской губ.). Зна-

чительно проще представить, что сам Сахаров взял опубликованный текст И.Е. Срезневского и прибавил к нему дополнительный фрагмент. Такая возможность имелась у Сахарова, который был знаком с публикацией в «Украинском вестнике». О том, как вольно Сахаров обращался с текстами устной традиции, можно судить хотя бы по тому, как он перерабатывал фольклорные записи, которые ему передавал тихвинский купец Г.И. Парихин [7].

В колядках Сахарова и И.Е. Срезневского совпадают первые 11 стихов; далее у Сахарова появляется 12-й стих, отсутствующий у И.Е. Срезневского: «Котел кипит горючий...»; стиху 12 в тексте И.Е. Срезневского: «Возле его козел стоит» у Сахарова соответствует 13-й стих: «Возле котла козел стоит» с заменой местоимения «его» на существительное «козла». Отметим, что слóва «котел» в колядке И.Е. Срезневского нет вообще, а в колядке Сахарова оно фигурирует дважды. Следующие 8 стихов имеются только в тексте Сахарова.

При знакомстве с первоначальным вариантом данной статьи А.А. Панченко высказал остроумное предположение, которое как будто подтверждается сравнительным материалом: «Вообще говоря, тут возникает соблазн предположить, что козел у Срезневского появился благодаря созвучию, то есть в песне, которую он слышал, было “возле его котел стоит”, а козла и булатный нож он вольно или невольно добавил потом» (письмо от 01.11.2020).

Здесь неизбежно возникает вопрос о том, в какой мере мы можем доверять записи И.Е. Срезневского: не является ли и она таким же фейком, каким, по-видимому, является сахаровская колядка? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к изданиям аутентичного фольклора. В них мы найдем две колядки из Оренбургской губ. и одну из Омской области, довольно близкие колядке И.Е. Срезневского.

Первая зафиксирована в с. Подгорная Покровка Оренбургского уезда:

Уродилась коляда
 Накануне Рождества
 За горою, за кругою
 За рекою, за быстрою...
 Ой, чи, чи-чи, (?) коляда!
 Коляда пришла,

Рождество принесла.
Ой, чи, чи-чи, коляда!
За горою, за крутою,
За рекою, за быстрою
Стоят леса, стоят дремучие.
Во тех лесах огни горят,
Огни горят пылаючи.
Вокруг огней люди стоят,
Люди стоят, колядуют:
Ой, чи, чи-чи, коляда! [17]

Вторую колядку записал А.П. Кузнецов в той же Оренбургской губернии (без указания места):

Уродилась коляда
Накануне Рождества.
За горою за крутою,
За рекою за быстрою.
За горою за крутою,
За рекою за быстрою
Стоят леса стоят дремучие,
Во тех лесах огни горят,
Огни горят пылающие.
Вокруг огней люди стоят,
Люди стоят, колядуют:
— Ой, коляда, коляда,
Ты бываешь, коляда,
Накануне Рождества.

([34, с. 309, № 1046]; перепечатка: [16, с. 71, № 20]; см. там же примеч. на с. 550)

Третью колядку зафиксировала Н. Кравец в 1975 г. в с. Логиновка Павлоградского района Омской области от Н.С. Артамоновой (1893 г. рожд.):

Уродилась Коляда накануне Рождества.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
За горою за крутою, за рекою за быстрою.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Стоят леса стоят дремучие, огни горят горячие.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Вокруг огня люди стоят,
Люди стоят, колядуют.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
Люди стоят, колядуют:
– Ой, Коляда, Коляда.
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!
– Ты бываешь, Коляда, накануне Рождества!
Святой вечер, добрый вечер,
Добрым людям на здоровье!

[19, с. 51, № 1]

Во всех трех колядках есть и крутые горы, и быстрые реки, и дремучие леса; вокруг горящих костров стоят люди, однако нет ни старца, ни козла, ни булатного ножа, а люди не собираются никого зарезать и просто поют колядки.

Параллели к приведенным русским колядкам имеются в белорусской обрядовой поэзии, однако и там тема жертвоприношения отсутствует. Например, в колядке из местечка Молодуша Речицкого у. Минской губ. также есть огни и котлы, хотя расположены они не в лесах, а во дворе хозяина дома; в котлах варятся вино, пиво и мед:

У нашего пана Ивана двор гороженный <...>
Двор гороженный железным тыном,
На том же дворе *три огни гораць*,

Три огни гораць, три котлы кипяць:

А в первом котле пшенично вино,

Ў другом котле чирвоно пиво,

А в третьем котле солодкі медкі.

[13, с. 76, № 67]; перепечатка: [13, с. 220, № 276)]²

В обрядовых песнях со сходным сюжетом фигурируют иногда образы стареньких дедков. Например, в белорусской волочѣбной песне старики варят в котлах воск для свечей:

...А на маём дварэ

Стаяць сталбы

Мураванья,

Вісяць катлы

Вылінья,

Сядзяць дзядкі

Старэнькія,

Вараць васкі

Жаўценькія,

Сучуць свечы

Трайчастыя,

Зажыгастыя.

[12, с. 209, № 116]

Мотив готовящегося убийства козла в сахаровской колядке имеет параллели в украинских и белорусских обрядах вождения козы или козла. Как известно, в этих святочных ритуалах сначала инсценируется убийство животного, которое потом чудесным образом оживает. В некоторых песнях, сопровождающих обряд, коза рассказывает, что боится старого деда, например:

Ох, я тых стралцоў,

Я ни баюся,

² Здесь и далее курсив в цитатах мой за исключением специально оговоренных случаев. — А.Т.

*Тольки баюся
Старага деда,
Што ў таго деда
Барада седа:
Той менé убъé,
Шкуру абдырэ,
Мяса парубя,
Сабакам аддасть!*

[18, с. 105]

Мотивы, которые встречаются в колядке И.Е. Срезневского, имеют параллели в трех русских колядках и в белорусских колядных и волочѣбных песнях. Мотив убийства козла, который только намечен в тексте И.Е. Срезневского, отсутствует в других колядках, однако он есть в белорусских и украинских обрядах «вождения козы или козла». Таким образом, колядка И.Е. Срезневского довольно органично вписывается в святочную обрядовую поэзию восточных славян.

Хотя первая часть сахаровского текста почти совпадает с колядкой И.Е. Срезневского, в целом этот текст не имеет прямых аналогий в фольклорной традиции. Если у И.Е. Срезневского мы видим только намек на возможное в будущем убийство козла, то у Сахарова этот намек превратился в целую сцену приготовления к забою животного с драматическими репликами будущей жертвы. При этом речь идет уже не о праздничном застолье, а о предстоящем убийстве ребенка, превращенного в козленка. Убийство козла в этом контексте становится в один ряд с человеческими жертвоприношениями и вся обстановка приобретает зловещий характер, совершенно не свойственный колядкам.

Вторая часть сахаровской колядки является переделкой песенной вставки из сказки о сестрице Алёнушке и братце Иванушке, превращенном в барашка или козленочка (СУС 450). Сказки с таким сюжетом широко известны в русской, украинской и белорусской традициях [28, с. 135]. В наиболее раннем варианте сказки, опубликованном в сборнике «Старая погудка на новый лад» (1795), мальчик, превращенный в барашка, обращается к своей сестрице со словами: «Сестрицушка! Алёнушка! *Поди сюда, протисть со мною: ножи точут булатные, котлы кипят чугунные, меня, барашка,*

убить хотят!» А сестра отвечает ему из-под воды: «Ах братец мой Иванушка! *Я рада бы к тебе вышла, ключева вода глаза мне вымыла, горюч камень ко дну тянет!»* [32, с. 130, № 12].

В некоторых вариантах сказки, опубликованных позднее, оговаривается, что исполнители должны пропеть реплики брата и сестры; эти реплики разрастаются в объеме и оформляются графически как стихи. Приведем один из наиболее пространственных сказочных диалогов:

Попросился козлёночек перед смертью к воде, напиться, пришел на бережок и плачет:

Алёнушка,
Сестрица моя!
Выплынь, выплынь,
На бѣрежок,
Ты выдь ко мне,
Промолвь со мной:
Костры кладут
Высокие,
Котлы висят
Глубокие,
Огни горят
Горючие,
Смолы кипят,
Кипучия,
Ножи точат
Булатные,
Хотят меня
Зарезати!

А сестрица Алёнушка отвечает ему со дна:

Ты братец мой,
Иванушка,
Иванушка,

Козлёночек!
Я рада бы
Помочь тебе,
Тебе тошно,
А мне тошней:
Тяжол камень
Ко дну тянет;
Шелковá трава
На руках свилась,
Ноги спутала;
Желты пески
На грудь легли;
Лютá змея
Сердце высосала;
Белá рыба
Глаза выела!

Погорюет, погорюет козлёночек, а как видит себе скорую смерть, до трех раз просился к воде и звал сестрицу [10, с. 122–124].

Стих 14-й сахаровской колядки («...Хотят козла зарезати») имеет параллель в тексте из Саратовской губ., опубликованном А.Н. Афанасьевым: «Козленочек ходит на бережок и горько плачет, приговаривая: “Оленушка, сестрица моя! Ты выдь ко мне, ты выгляни: я братец твой, Иванушка, пришел к тебе с нерадостной весточкой, *меня, козла, убить хотят, зарезати...*” Оленушка из воды отвечает ему: “Ох, братец мой Иванушка! Я рада бы к тебе выглянуть, тяжел камень ко дну тянет...”» [15, с. 255, № 263].

В стихах 15–21 перифразирована ответная реплика Алёнушки своему брату, на что есть прямое указание в стихе 15-м: «Ты, братец, Иванушко...».

Словам колядки «Ты выди, ты выпрыгни!» в процитированной выше сказке из собрания А.Н. Афанасьева соответствует: «Ты выдь ко мне, ты выгляни...», однако это реплика Иванушки, обращенная к Алёнушке, а не наоборот, как в тексте Сахарова.

В строке «Я рад бы выпрыгнул...» допущена опечатка; должно быть, конечно, «Я рад бы выпрыгнуть...». Кстати, именно так, с исправлением

опечатки, этот стих опубликован в современном издании [24, с. 42]; сам факт исправления текста при этом никак не оговорен.

На месте стиха «Я рад бы выпрыгнуть...» в той же сказке А.Н. Афанасьева встречаем «Я рада бы к тебе выглянуть...».

На месте слов колядки «...Горюч камень / К котлу тянет...» в сказке из собрания П.А. Бессонова, процитированной выше, читаем: «Тяжел камень / Ко дну тянет...». На месте стихов «Желты пески / Сердце высосали» в том же тексте П.А. Бессонова — «Желты пески / На грудь легли; / Люта змея / Сердце высосала».

Если в сказке Иванушка просит сестрицу Аленушку выглянуть из-под воды, а та объясняет ему, почему она не может этого сделать, то в сахаровской колядке сама Аленушка просит Иванушку откуда-то выйти и выпрыгнуть, что никак не мотивировано сюжетом. Поскольку в сахаровской колядке Иванушка не находится под водой, появилась странная формула «...Горюч камень / К котлу тянет...» вместо *ко дну тянет*. Кстати, В.Я. Пропп, цитируя колядку, заменил «к котлу тянет» на «ко дну тянет» и отметил: «Исправлено из явной ошибки “к котлу”» [4, с. 57, примеч. 15]. В данном случае эта «явная ошибка» возникла в результате контаминации двух текстов, относящихся к разным фольклорным жанрам.

Фольклористы о сахаровской колядке

Сомнения в подлинности сахаровской колядки впервые высказал **П.В. Владимиров** в книге «Введение в историю русской словесности» (1896): «Пока не найден вариант этой колядки, мы готовы подозревать ее сочиненность, — в чем нас сильно поддерживает склад всей песни и ее язык» [3, с. 81].

Сомневался в аутентичности колядки и **Е.В. Аничков**, который, как и П.В. Владимиров, рассматривал колядки И.Е. Срезневского и Сахарова как один и тот же текст. Е.В. Аничков писал в своей монографии «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян» (1903): «Эта песня (Снегирев, Р. Прост. Праздн. I, стр. 103 и II, стр. 68) впервые напечатана Срезневским в “Украинском вестнике” 1817 г. Она вообще сильно заподозрена: старик со своим “булатным ножом”, которым он собирается резать козла, слишком театрален для народной песни; мотив горения котлов, однако, вполне в духе

распр.<остраненных> песенных образов; он особенно часто встречается в колядках...» [1, с. 230; разрядка Е.В. Аничкова].

В.И. Чичеров в книге «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. Очерки по истории народных верований» (1957) установил, что сахаровская колядка связана по своему происхождению не только с текстом И.Е. Срезневского, но и со сказочными мотивами (ранее об этом кратко писал П.В. Владимиров):

Особо следует остановиться на разборе известной колядки «За рекой за быстрой», напечатанной И. Снегиревым в «Русских простонародных праздниках...», в. II, стр. 68–69, № 4. Этот текст издавна привлекал внимание исследователей необычайностью содержания: горят огни, сидят люди, кипит котел, рядом стоит козел, старик хочет зарезать козла — братца Иванушку, козел не может выпрыгнуть. В основе текста лежит украинская колядка, напечатанная впервые Ив. Срезневским в статье «Славянская мифология» («Украинский вестник», 1817, апрель, стр. 19–20); текст в этой работе оканчивается указанием на старика, точащего нож, и козла, стоящего рядом. В этой же редакции текст был перепечатан И. Снегиревым в выпуске первом «Русских простонародных праздников...» (стр. 103). Во втором выпуске этот текст был напечатан с упомянутым окончанием. Многие исследователи (Ф.И. Буслаев и др.), следуя за Снегиревым, видели в этой колядке изображение новогоднего жертвоприношения и считали ее отзвуком «языческого периода славян». Это мнение, как обнаруживается при сравнительном разборе текстов колядок, ошибочно. Колядка из работы Снегирева двухчастна. В первой части говорится о новогодних кострах, вошедших устойчивым элементом в святочную обрядность (*изображается в колядке один из элементов обряда*). Вторая часть — заимствование из сказки (почти дословное повторение стихотворной вставки-песни из сказки «Братец Иванушка и сестрица Аленушка») является присоединением к новогодней песне. Не лишено вероятия предположение, что это заимствование из сказки было сделано самим Снегиревым, настолько необычна в данном случае контаминация новогодней песни и сказочного эпоса. В подтверждение сказанного приводим параллельные тексты, свидетельствующие о том, что в колядках действительно встречается мотив костра и что мотив заклинания (заклания? — А.Т.) козла сомнителен по своему положению в этом типе песен [8, с. 136, примеч. 58; курсив В.И. Чичерова].

В.И. Чичеров привел также текстологическое сопоставление сахаровской колядки с колядкой И.Е. Срезневского и сказочной вставкой-песней из сборника Д.Н. Садовникова [8, с. 137, примеч. 58].

Наблюдения В.И. Чичерова в целом представляются нам убедительными, хотя и нуждаются в двух уточнениях.

Во-первых, В.И. Чичеров считал, что данная колядка была опубликована Снегиревым, хотя первым ее все-таки опубликовал Сахаров в 1837 г. и только после этого перепечатал Снегирев в 1838 г. Неверную атрибуцию колядки допускали также П.В. Владимиров и другие фольклористы. Вероятно, это связано с тем, что при публикации текста Снегирев не указал его источника и только в другом месте сообщил, что «святочные песни взяты из собрания г. Сахарова и других» [27, с. 84, примеч.].

Во-вторых, В.И. Чичеров называл колядку украинской, хотя она записана на русском языке. Вероятно, он основывался на том, что статья И.Е. Срезневского была опубликована в «Украинском вестнике», который выходил в Харькове. Чичеров мог также учитывать сведения Снегирева о том, что колядка исполнялась «в южной России» [26, с. 103]. Выше уже отмечалось, что И.Е. Срезневский скорее всего слышал эту колядку в детстве, которое он провел в дер. Срезнево Спасского уезда Рязанской губернии, или во время обучения в духовном училище в Рязани. Ближайшие параллели к данному тексту обнаружены в записях на русском языке из Оренбургской губернии и из Омской области. Все это в совокупности подтверждает русское происхождение данного текста.

В.Я. Пропп в книге «Русские аграрные праздники» (1-е изд. — 1963) привел колядку полностью по изданию Сахарова, отметив, что «эта же песня напечатана у И.М. Снегирева» [4, с. 57, примеч. 16]. В.Я. Пропп не ссылался ни на П.В. Владимирова, ни на В.И. Чичерова, хотя работу последнего он, несомненно, учитывал. Ученый уделил особое внимание контаминации колядки с песенными репликами из сказки, как бы развивая мысль, высказанную вскользь П.В. Владимировым: «...конец этой песни принадлежит сказке, в роде “Братец-Козленочек”, и т. п. Не отсюда ли и вся песня?)...» [3, с. 80]. В.Я. Пропп верно отметил, что в сахаровском тексте перепутаны реплики братца и сестрицы:

Песня эта долгое время служила предметом мифологических размышлений. И.М. Снегирев, Ф.И. Буслаев и другие видели в ней остатки языческого ритуала жертвоприношений. Козел — старинное жертвенное животное. *Возможно, что текст песни несколько стилизован, но подлинность песни как колядской подтверждается тем, что очень сходная песня была записана П.В. Шейном в Оренбургской губернии* (Шейн, Великорус, № 1046). Но все объясняется проще. Эта песня входит в сказку А.Н. Афанасьева «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», в которой Иванушка превращен в козленка. Царь хочет жениться на Аленушке, но колдунья подменяет ее своей дочкой, Аленушку топит, а козленочка велит зарезать. Козленок на берегу зовет к утопленной сестре <...>

В сахаровском тексте также упоминается «братец Иванушка», но слова «желты пески сердце высосали» относятся к утопленнику. Разница между текстами И.П. Сахарова и А.Н. Афанасьева состоит в том, что в сказке песня поется от имени братца, тогда как в тексте И.П. Сахарова роли спутаны: козла хотят зарезать, и он же (а не сестра) оказывается утопленным. <...>

В кумулятивной песне у И.П. Сахарова и в песне из сказки А.Н. Афанасьева говорилось о козе и о козле. Может быть и не случайно, что именно эти песни пришли на смену колядкам. Они сохранили воспоминания о том, что во время святок водили козу [4, с. 58].

Замечания В.Я. Проппа также нуждаются в нескольких уточнениях.

Во-первых, утверждения о том, что сахаровская колядка относится к «песням, заимствованным из сказок» [4, с. 57] и что она «входит в сказку А.Н. Афанасьева “Сестрица Аленушка и братец Иванушка”» [4, с. 58], характеризуют только ситуацию со второй частью сахаровской колядки и не могут быть отнесены ни к ее первой части, ни ко всему тексту в целом.

Во-вторых, В.Я. Пропп, вопреки сомнениям, которые ранее высказывали П.В. Владимиров, Е.В. Аничков и В.И. Чичеров, признает аутентичность сахаровской колядки. По его мнению, «подлинность песни как колядской подтверждается тем, что очень сходная песня была записана П.В. Шейном в Оренбургской губернии (Шейн, Великорус, № 1046)»³. В колядке, опубликованной П.В. Шейном, действительно имеются те же мо-

³ Кстати, отметим, что эта песня была опубликована П.В. Шейном, а записана другим человеком (см. выше).

тивы, что и в колядке И.Е. Срезневского (см. выше) и в первой части сахаровской колядки. При этом в тексте П.В. Шейна нет ничего ни про жертвоприношение козла, ни про диалог между Иванушкой и Аленушкой, т. е. этот текст не может подтвердить аутентичность сахаровского текста в целом и его второй части.

В-третьих, Пропп пишет, что в качестве колядок используется много «песен, заимствованных из сказок» [4, с. 57] и даже что «именно эти песни пришли на смену колядкам» [4, с. 59], однако в качестве примера приводится только колядка Сахарова.

В кандидатской диссертации **А.Н. Розова** «Песни зимних календарных праздников: проблемы классификации колядок» (1978) наша колядка именуется «снегиревской» (как у В.И. Чичерова) и рассматривается в контексте зимней обрядовой поэзии:

Особое место среди нетрадиционных колядок занимает песня из сборника И.М. Снегирева с зачином «За рекою, за быстрою леса стоят дремучие». Многие исследователи прошлого века считали, что в данном случае нашло отражение древнее языческое жертвоприношение. Советские ученые В.И. Чичеров и В.Я. Пропп убедительно показали двучастность снегиревской колядки, причем вторая часть представляет собой заимствование из сказки «Братец Иванушка и сестрица Аленушка». Первую же часть В.И. Чичеров сопоставил с оренбургской колядкой из сборника П.В. Шейна (№ 1046), отметив при этом, что в обеих песнях «говорится о новогодних кострах, вошедших устойчивым элементом в святочную обрядность» (с. 136) [5, с. 165–166].

А.Н. Розов в своем кратком анализе колядки следовал в основном за В.И. Чичеровым. Ссылка на В.Я. Проппа имела, по-видимому, этикетный характер, поскольку последний, как мы видели, не писал о колядке как о двучастном (контаминированном) тексте.

Л.Н. Виноградова в книге «Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования» (1982) указала на недостоверный характер сахаровской колядки: «Мы не будем останавливаться на тексте из сборника И.П. Сахарова “За рекою за быстрою...”, по поводу подлинности которого уже высказывались сомнения Чичеровым, Проппом и другими специалистами. Однако мотив “огни горят” фиксировался, кроме

того, в источниках, достоверность которых не вызывает сомнений (сборники Шейна, Романова, Ходаковского, Гнатюка) вплоть до последнего издания записей колядок, сделанных в Белоруссии уже в 60-70-е годы...» [2, с. 174].

Л.Н. Виноградова не касается вопроса о степени достоверности колядки, опубликованной И.Е. Срезневским, и о ее соотношении с сахаровским текстом, однако приведенные исследовательницей материалы говорят о том, что текст И.Е. Срезневского имеет параллели в других колядках и волочёбных песнях, записанных позднее, и его аутентичность не вызывает каких-то особых сомнений.

Сахаровская колядка в исследованиях славянской мифологии

Несмотря на контаминированный характер сахаровской колядки, она многократно цитировалась полностью или частично в сочинениях по языческим верованиям славян и Древней Руси.

Первым эту колядку перепечатал **И.М. Снегирев** в разделе «Колядские песни и винограде» второй части своего издания «Русские народные праздники и обряды» [27, с. 68–69, № 4]. В примечании к песне И.М. Снегирев так охарактеризовал ее содержание: «Здесь изображается жертвоприношение, где насыпался песок, в который у Северных народов изливалась *кровь* жертвы; это выражают слова: *пески сердце высосали*. См. сию песню в I части этой книги, стр. 103» [27, с. 69, примеч. 1; курсив и разрядка И.М. Снегирева].

И.М. Снегирев отсылает читателя к первому выпуску «Русских народных праздников и обрядов», где сначала описывается жертвоприношение козла у литовцев, а потом приводится колядка И.Е. Срезневского как свидетельство того, что подобные обряды были известны и в России: «По наблюдениям открывается, что торжество сие с обрядами и жертвоприношениями, более или менее сходными, было общим не токмо по всей Литве, но и в Литовской Руси. В южной России, по свидетельству г. Срезневского, пели следующую песню, которая изображает жертвенный обряд, похожий на литовский...» [26, с. 103].

Впервые И.М. Снегирев процитировал текст И.Е. Срезневского в 1828 г. в статье «Старинные народные Святки и Коледа: (Отрывок из описания народных русских праздников)» [25, с. 117].

В книге «Славянская мифология» (1847) **Н.И. Костомаров** писал со ссылкой на сообщение Сахарова, что во время зимних праздников «совершались священные игры, как видно из зимних хороводов, и приносились жертвы. Так в одной русской песне святочной изображается явно языческое жертвоприношение: в лесу горят огни, вокруг огней стоят скамьи, на скамьях сидят юноши и девицы» [14, с. 100–101]. Костомаров процитировал фрагмент колядки со слов «Поют песни калёдушки» до конца.

И.И. Срезневский обратился к нашей колядке в книге «Исследования о языческом богослужении древних славян» (1848). Он процитировал текст колядки с начала до слов «Хотят козла зарезати» в обзоре материалов о языческих жертвоприношениях: «О приношении в жертву козла есть предание, сохранившееся в народной обрядной песне: «За рекою <...> Хотят козла зарезати». По свидетельству Длугоша, были в обычае жертвы заклятия и у поляков: в жертву приносились были овцы и быки, во время празднеств, на которые собирался народ. Были они и у балтийских славян» [31, с. 73].

Историк **С.М. Соловьев** в «Очерке нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие» (1850) отметил, что «из песен колядных для нас замечательна следующая» и также процитировал сахаровский текст с начала до стиха «Хотят козла зарезати» [29, с. 30]. Далее он поставил эту колядку в сравнительный контекст [29, с. 31].

Ф.И. Буслаев привел сахаровскую колядку в одной из лекций по истории русской литературы, читанных наследнику-цесаревичу Николаю Александровичу в 1859–1860 гг. Говоря о святочных обрядах, Ф.И. Буслаев отметил: «Само собою разумеется, что в песнях колядных воспоминается Рождество Христово, но сверх элемента христианского очевиден и древнейший, языческий. Особенно важна в последнем отношении колядная песня о жертвоприношении козла, доселе сохранившаяся в Южной Руси...» [11, с. 434]. Приведя полностью текст колядки, Буслаев продолжал: «Мы уже знаем, что козел был посвящен Тору-Перуну, божеству земледелия и семейной оседлости. Он ездил в телеге, запряженной двумя козлами» [11, с. 435].

Д.О. Шеппинг в статье «Купала и Коляда в их отношении к народному быту русских славян», включенной в его книгу «Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках» (1862), процитировал сахаровский текст, внося в него некоторые коррективы. Основная из них заключалась в том,

что он посчитал текст не колядкой, а купальской песней и в связи с этим заменил «Поют песни Колюдушки» на «Поют песни Купалушке» [35, с. 40]. Имя Иванушки Д.О. Шеппинг связал с названием ночи на Ивана Купала: «Что эта песня не принадлежит к Колядским, напротив — к торжествам Ивановской ночи, на это прямо указывает название козла Иванушки, почему и считаем себя вправе заменить слово Колюдушки словом Купалушки» [35, с. 40, примеч. 1]. На самом деле имя Иванушки в колядке заимствовано из сказки и не имеет отношения к Ивану Купале.

Сахаровская песня, по мнению Д.О. Шеппинга, свидетельствовала о том, что в древности на купальском костре сжигались какие-то живые существа: «Вероятно, что во времена язычества приносились и у нас живые жертвы Купальному огню, как видим это из нашей древней песни...» [35, с. 39]. Д.О. Шеппинг отождествил старика, который фигурирует в колядке, с языческим жрецом: «Самое добывание живого огня, как и зажигание Ивановских костров, поручается обыкновенно старикам, которые, как видно из этого обряда, чисто общинного быта, и из вышеупомянутой песни, исполняли должность жреца в общественном богослужении языческой России» [35, с. 40–41].

А.Н. Афанасьев в трехтомном исследовании «Поэтические воззрения славян на природу» отмечал: «О жертвенном заклании козла сохранилось воспоминание в колядской песне, тем более любопытной, что она передает и самую обстановку обряда...» [9, с. 257–258]. Приведя сахаровскую колядку до слов «Хотят козла зарезати», А.Н. Афанасьев продолжает: «Жертвоприношение сопровождалось пением обрядовых песен; козла резал старец, мясо его варили в котле, подобно тому, как это совершалось и у германских племен, и у скифов. У литовцев жрец, заколая козла острым ножом, призывал на молящихся божие благословение; кровь собиралась в кувшин или чашу, и потом окроплялись ею люди, скот и самые жилища; мясо съедали при пении песен и игре на трубах, а что оставалось несъеденным, то зарывали в землю на распутии, чтобы ни один зверь не мог дотронуться до священной яствы» [9, с. 258].

Традицию мифологических разысканий XIX в. в 1960–1980-х гг. возродил археолог академик Борис Александрович Рыбаков. В своей монографии «Язычество Древней Руси» (1-е изд. — 1987) он привел колядку по сборнику И.М. Снегирева и отметил, что эта запись «раскрывает сущность ритуальной церемонии — принесение в жертву козла...» [6, с. 85].

Б.А. Рыбаков, вслед за Д.О. Шеппингом, писал о том, что обстановка жертвоприношения напоминает о купальских праздниках: «Имя братца Иванушки может указывать на обряд в ночь под Ивана Купалу; тогда сестрица Аленушка — сама Купала, жертва, обреченная стать в “воде потопляемой”. В купальскую ночь и “огни горят великие”, и совершаются обряды у воды, имитирующие утопление жертвы: купанье девушки, наряженной Купалой, или погружение в воду чучела — куклы, изображающей Купалу» [6, с. 95]. С рассуждениями Б.А. Рыбакова трудно согласиться. Как мы уже отмечали, имя Иванушки заимствовано из сказки и никакого отношения к ночи под Ивана Купалу не имеет; так же и Аленушка отождествляется с мифической Купалой только в воображении Б.А. Рыбакова.

Таким образом, исследователи дохристианской культуры Древней Руси с конца 1830-х гг. и почти до нашего времени рассматривали сахаровскую колядку как аутентичное свидетельство о языческом ритуале жертвоприношения козла. Такой ритуал исторически у русских не засвидетельствован, однако он описан и в Библии, и в греческой и скандинавской мифологии, и у балтийских народов. И вот составленная Сахаровым колядка удачно заполнила одну из многих лакун в сведениях о славянской мифологии.

Чтобы колядка выглядела как исторический документ, ученые определенным образом осмыслили время ее появления, жанровую природу, сюжет и отдельные детали.

Во-первых, колядка рассматривалась не как ритуальная песня, которая исполнялась для поздравления хозяев дома с праздником Рождества Христова и пожелания им благополучия в течение года, а как чудом сохранившееся до XIX в. описание реального ритуала, практиковавшегося в Древней Руси, как если бы это был фрагмент какой-нибудь летописи или сочинения арабского либо византийского автора X в.

Во-вторых, огни осмыслились как жертвенные костры, а старик, который «точит свой булатной нож», представлялся языческим жрецом.

Наконец, в-третьих, ученые видели в колядке описание жертвоприношения козла, хотя в тексте И.Е. Срезневского говорится скорее о приготовлении козла к забою, а в колядке Сахарова — о предстоящем умерщвлении козленка, в которого превратился ребенок. Современный читатель видит в рефрене «Ой, колёдка!» обращение к празднику Коляды, как на-

звался канун Рождества Христова, однако И.Е. Срезневский полагал, что *Коляда* «был славянский бог *мира* и соответствовал Римскому *Янусу*. <...> Храм сего бога (а может быть богини) был в Киеве...» [30, с. 19–20; курсив И.Е. Срезневского]. Опубликованную им колядку И.Е. Срезневский назвал «гимном Коляде». Публикатор не утверждал прямо, что козла предназначали в жертву языческому идолу Коляде, однако подводил читателя к такой мысли. Таким образом, привязка колядки к языческим обрядам появилась уже в публикации И.Е. Срезневского, т. е. Сахаров следовал здесь в русле определенной традиции.

Некоторые выводы

Проследив историю колядки о жертвоприношении козла, мы установили, что впервые она была опубликована Сахаровым в 1837 г., перепечатана И.М. Снегиревым в 1838 г. и потом воспроизводилась многими исследователями славянской мифологии по изданиям Сахарова и И.М. Снегирева. С учетом репутации Сахарова как фальсификатора фольклора можно не сомневаться в том, что именно он составил эту колядку. При этом как ни странно, в ней нет ни одной строки, полностью сочиненной самим Сахаровым: все они взяты либо из колядки И.Е. Срезневского, либо из каких-то вариантов сказки об Аленушке и братце Иванушке (СУС 450). Такие контаминации произведений разных фольклорных жанров характерны в целом для стилизаций Сахарова.

В качестве исходного материала Сахаров использовал незавершенный текст И.Е. Срезневского. Аутентичность этого текста, восстановленного И.Е. Срезневским по памяти, в свою очередь вызывает определенные сомнения. Если основная часть колядки И.Е. Срезневского имеет близкие параллели в нескольких русских колядках и белорусских колядных и волочѣбных песнях, то заключительные строки, в которых появляются мотивы булатного ножа и козла, в аутентичных текстах отсутствуют.

Несмотря на псевдофольклорный характер сахаровской колядки, целые поколения историков и филологов видели в ней описание ритуала, который совершался в глубокой древности языческими славянами. Колядка вызвала волну мифологических интерпретаций и цитировалась полностью или в извлечениях Н.И. Костомаровым, И.И. Срезневским, Ф.И. Буслаевым, С.М. Соловьевым, Д.О. Шеппингом, А.Н. Афанасьевым, Б.А. Рыба-

ковым и др. Если ученые XIX в. еще не догадывались, что колядка является фальсификатом, то Б.А. Рыбаков вполне мог узнать об этом из книги В.И. Чичерова, однако проигнорировал его наблюдения.

Если отрешиться от ауры древности и мифологичности, окружающих сахаровский текст, и рассмотреть его с точки зрения содержания, поэтики, включенности в традицию и соотношения с текстами со сходными мотивами, то становятся отчетливо видны двухчастный характер текста, его контаминированный характер, неувязки в репликах Иванушки и его сестрицы. Рассмотренный материал подводит к мысли о том, что использование фольклора как исторического источника требует большой осторожности и предварительной экспертизы привлекаемых для этого источников.

Список литературы

Исследования

- 1 *Аничков Е.В.* Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1903. Ч. 1: От обряда к песне. XXIX, 392 с.
- 2 *Виноградова Л.Н.* Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян. Генезис и типология колядования. М.: Наука, 1982. 256 с.
- 3 *Владимиров П.В.* Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев: Тип. Императорского Ун-та Св. Владимира, 1896. VI, 276 с.
- 4 *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники: (Опыт историко-этнографического исследования). СПб.: Терра — Азбука, 1995. 176 с.
- 5 *Розов А.Н.* Песни зимних календарных праздников: (Проблемы классификации колядок): дис. ... канд. филол. наук. Л.: [АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом)], 1978. 203 с. + Прил. (76 с.: ил.).
- 6 *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782, [1] с., [2] л. ил.
- 7 *Топорков А.Л.* «В наших Сказаниях не все то помещено, что известно в селениях» (Фольклорные записи из архивного собрания И.П. Сахарова) // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 141–154.
- 8 *Чичеров В.И.* Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв. (Очерки по истории нар. верований). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 236 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия / Акад. наук СССР. Т. 40)

Источники

- 9 *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М.: К. Солдатенков, 1868. Т. 2. 784, III, [1] с.
- 10 *Бессонов П.А.* Детские песни. М.: Тип. П. Бахметева, 1868. 253, [5] с.
- 11 *Буслаев Ф.* О литературе: Исследования; Статьи / сост., вступ. ст., примеч. Э. Афанасьева. М.: Худож. лит., 1990. 512 с.
- 12 *Валачобныя песні /* Склад Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей. Мн.: Навука і тэхніка, 1980. 560 с.
- 13 *Зімовыя песні. Калядкі і шчадроўкі /* Уклад., сістэмац., характэрыстыка і рэд. напеваў З.Я.Мажэйкі; рэд. М.Я.Грынблат. Мн.: Навука і тэхніка, 1975. 735 с.
- 14 *Костомаров Н.И.* Славянская мифология: (Извлечение из лекций, читанных в Университете св. Владимира во второй половине 1846 года). Киев: Тип. И. Вальнера, 1847. 113 с.
- 15 *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах /* изд. подгот. Л.Г. Бараг, Н.В. Новиков. М.: Наука, 1985. Т. 2. 463 с.
- 16 *Поэзия крестьянских праздников /* вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. И.И. Земцовского. Л.: Сов. писатель, Ленингр. отд-ние, 1970. 636 с.
- 17 *Празднование коляды в Оренбургском уезде //* Оренбургский листок. 1888. № 52. 25 декабря. С. 2.
- 18 *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1912. Вып. 8–9: Быт белоруса; Опыт словаря условных языков Белоруссии. 600 с.
- 19 *Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры /* сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Новосибирск: Наука, 1997. 605 с. (Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока. Т. 13).
- 20 *[Сахаров И.П.]* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Гуттенбергова тип., 1837. Ч. 2: История русской народной литературы. IV, 74, 274 с.
- 21 *[Сахаров И.П.]* Песни русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1838. Ч. 1. CLVIII, 163 с.
- 22 *[Сахаров И.П.]* Песни русского народа. СПб.: Тип. Сахарова, 1839. Ч. 4. X, 494 с.
- 23 *[Сахаров И.П.]* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков, собранные И.П. Сахаровым. СПб.: Тип. И. Сахарова, 1841. Т. 1. Кн. 3: Русские народные песни. 276 с.
- 24 *Сахаров И.П.* Сказания русского народа / сост. и отв. ред. О.А. Платонов. М.: Ин-т русской цивилизации, 2013. Т. 2. 928 с.
- 25 *Снегирев И.М.* Старинные народные Святки и Коледа: (Отрывок из описания народных русских праздников) // Вестник Европы. 1828. Ч. 158. № 2. Янв. С. 109–12. № 3. Февр. С. 169–183.
- 26 *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Унив. тип., 1837. Вып. 1. I–IV, 246 с.

- 27 *Снегирев И.М.* Русские престонародные праздники и суеверные обряды. М.: Унив. тип., 1838. Вып. 2. 142 с.
- 28 Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 437 с.
- 29 *Соловьев С.* Очерк нравов, обычаев и религии славян, преимущественно восточных, во времена языческие // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачовым. М.: В тип. Александра Семена, 1850. Кн. 1. Отд. 1. С. 1–54.
- 30 *Срезневский И.Е.* Славянская мифология, или о богослужении русском в язычестве // Украинский вестник. Харьков: В унив. тип., 1817. Ч. 6, № 4. С. 3–24.
- 31 *Срезневский И.* Исследования о языческом богослужении древних славян. СПб.: Тип. К. Жернакова, 1848. [4], 96 с.
- 32 Старая погудка на новый лад: Русская сказка в изданиях конца XVIII века. СПб.: Тропа Троянова, 2003. 399 с. (Полное собрание русских сказок. Т. 8: Ранние собрания)
- 33 *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1, ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. XXVI, 586, 4 с. (Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. 41, № 3)
- 34 *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1898. Т. 1, вып. 1. [2], LVIII, 835 с.
- 35 *Шеппинг Д.О.* Русская народность в ее поверьях, обрядах и сказках. М.: Тип. Бахметева, 1862. [4], 211 с.

References

- 1 Anichkov, E.V. *Vesenniaia obriadovaia pesnia na Zapade i u slavian* [*Spring Ritual Song in the West and among the Slavs*], part 1: Ot obriada k pesne [From the Rite to the Song]. St. Petersburg, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1903. XXIX, 392 p. (In Russ.)
- 2 Vinogradova, L.N. *Zimniaia kalendaraia poeziiia zapadnykh i vostochnykh slavian. Genезis i tipologiia koliadovaniia* [*Winter Calendar Poetry of Western and Eastern Slavs. Genesis and Typology of Caroling*]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 256 p. (In Russ.)
- 3 Vladimirov, P.V. *Vvedenie v istoriiu russkoi slovesnosti. Iz leksii i issledovaniia* [*Introduction to the History of Russian Literature. From Lectures and Research*]. Kiev, Printing house of the Imperial University of St. Vladimir Publ., 1896. VI, 276 p. (In Russ.)
- 4 Propp, V.Ia. *Russkie agrarnye prazdniki: (Opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniia)* [*Russian Agricultural Holidays: (Experience of Historical and Ethnographic Research)*]. St. Petersburg, Terra – Azbuka Publ., 1995. 176 p. (In Russ.)
- 5 Rozov, A.N. *Pesni zimnikh kalendarnykh prazdnikov: (Problemy klassifikatsii koliadok)* [*Songs of Winter Calendar Holidays: (Problems of Classification of Carols): PhD Thesis*]. Leningrad, [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian literature (Pushkin House) Publ.], 1978. 203 p. Pril. (76 p.: il.) (mashinopis') [Typewriting]. (In Russ.)
- 6 Rybakov, B.A. *Iazychestvo Drevnei Rusi* [*Paganism of Ancient Russia*]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 782, [1] p., [2] l. il. (In Russ.)
- 7 Toporkov, A.L. “V nashikh Skazaniiaikh ne vse to pomeshcheno, chto izvestno v seleniiaikh' (Fol'klornye zapisi iz arkhivnogo sobraniia I.P. Sakharova)” [“In our Tales, not Everything is Placed that is Known in the Villages' (Folklore Records from the Archive Collection of I.P. Sakharov)”. *Traditsionnaia kul'tura*, no. 4, 2014, pp. 141–154. (In Russ.)
- 8 Chicherov, V.I. *Zimnii period russkogo narodnogo zemledel'cheskogo kalendara XVI–XIX vv. (Ocherki po istorii nar. verovaniia)* [*Winter Period of the Russian National Agricultural Calendar of the 16th–19th Centuries (Essays on the History of Popular Beliefs)*]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1957. 236 p. (Trudy Instituta etnografii im. N.N. Miklukho-Maklaia. Novaia seriia / Akad. nauk SSSR; vol. 40) [Proceedings of the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography. New Series / Academy of Sciences of the USSR]. (In Russ.)